

Андрей Николаевич Воронин
Слепой. Танковая атака
Серия «Слепой», книга 36

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8337212
Воронин А. Слепой. Танковая атака: роман: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083301-6

Аннотация

В российский районный центр поздней ночью невесть откуда прикатывает Т-VI, знаменитый в годы Второй мировой войны немецкий танк «тигр». Снеся двумя меткими выстрелами здание местной мэрии и стоявший рядом памятник – не менее знаменитую советскую «тридцатьчетвертку» на бетонном пьедестале, «тигр» бесследно исчезает – и становится важным элементом в решении проблемы, которой вынужден заниматься секретный агент ФСБ.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Воронин

Слепой. Танковая атака

© Андрей Воронин, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Глава 1

Погода уже вторую неделю держалась ясная, сухая и теплая – теплая, разумеется, настолько, насколько это возможно в средней полосе России во второй половине сентября. Когда ослабевшее, ленивое осеннее солнце переставало согревать землю, неспешно скатываясь за зубчатый лесистый горизонт, из сырых низин выползал плотный, белый, как снятое молоко, туман. Беззвучным медленным половодьем он затоплял равнину, расстилаясь по приречным лугам и окрестным перелескам, чтобы утром, на рассвете, осесть холодной росой. В лучах низкого утреннего солнца роса вспыхивала миллиардами бриллиантовых искр, но это мало кто замечал, а те, кто замечал, далеко не всегда могли по достоинству оценить красоту открывшегося им зрелища. Так называемому простому народу на подобные вещи, как правило, наплевать – независимо от страны проживания и места постоянной регистрации у него, народа, хватает других забот, – а народ непростой в райцентре Верхние Болотники испокон веков был в дефиците. Даже члены местного общества самодеятельных художников и кружка любителей поэзии, что собирался два раза в неделю в городском доме культуры, как это часто случается с представителями российской творческой интеллигенции, предпочитали вечерние посиделки с портвейном любованию восходом. Исключение составляли лишь те случаи, когда восход заставал их на лоне природы, там, где они уснули, не сумев дойти до дома, но и тогда их мутный с похмелья взор оставался слеп к неброским прелестям среднерусского пейзажа. Что же до росы, то она, будучи замеченной, воспринималась как жестокое издевательство мачехи-природы над изнывающим от мучительной жажды непутевым дитятей.

Зато роса питала землю, заменяя собой заблудившиеся где-то осенние дожди. Грибов в этом году уродилось невероятное количество, и старожилы, особенно пожилые торговки на рынке, авторитетно утверждали, что последний раз такое явление наблюдалось в далеком сорок первом, служа одним из многочисленных знамений большой беды. Зловещий подтекст этого бабьего карканья перекликался с шумихой, поднятой прессой и телевидением вокруг конца света, будто бы назначенного индейцами майя на приближающийся декабрь.

Люди здравомыслящие ко всей этой болтовне относились скептически. Им лично мудрецы племени майя ничего такого не говорили, а тому, о чем трещат коммерческие каналы телевидения, верить трудно даже при очень большом желании. Что же до торговок с их грибными знаменьями, то они – дамы хоть и весьма почтенные, но все-таки не настолько древние, чтобы помнить, что да как было в сентябре сорок первого.

Но мыслить здраво в городе Верхние Болотники могли немногие. Людей, обладающих этим редким даром, на свете еще меньше, чем тех, кто способен умиляться при виде распустившегося цветка или поднявшегося над горизонтом малинового шара солнца. Их процент от общего количества населяющих ту или иную местность индивидуумов везде примерно одинаков – ноль целых хрен десятых с несколькими нолями после запятой. И если в мегаполисах их худо-бедно наскребаются сотни, а то и тысячи, то в захолустных городишках наподобие Верхних Болотников счет, как правило, идет на единицы – и хорошо, если не на дроби.

Поэтому на широкую общественность райцентра Верхние Болотники все эти мрачные слухи – как, впрочем, и любые другие, – производили весьма глубокое впечатление. Большинство, традиционно перебивающееся с хлеба на водку, дабы не впасть в отчаяние перед лицом надвигающейся глобальной катастрофы, прибегало к испытанному средству от всех скорбей и, проснувшись поутру с больной головой, испытывало даже некоторое разочарование от того, что конец света опять не наступил и надо опять начинать все с начала. Более обеспеченное, располагающее свободными деньгами меньшинство опустошало прилавки магазинов, метя подчистую спички, соль, консервы и свечи, чтобы доверху забить этим доб-

ром кладовки и погреба. В продаже появились наборы для выживания, а член кружка любителей поэзии, творящий под псевдонимом Ярослав Морев, написал:

*Взойдет последняя комета,
Восстанут демоны морей...
И там, на грани тьмы и света,
Прошу, люби меня сильнее!*

Стихотворение опубликовали в районной газете, и уже на следующее утро на калитке дома, в котором проживал автор, появилась сделанная каким-то остряком надпись мелом: «Уже прожевана котлета, на блюде вянет сельдерей... Я подарю тебе конфету, а ты отдайся мне скорей!» Установить личность пачкуна, дерзнувшего обидеть поэта, не представлялось возможным: это мог быть кто угодно, поскольку в таких населенных пунктах, как Верхние Болотники, за псевдонимом не спрячешься, и настоящее имя пиита Ярослава Морева тут было известно каждой собаке.

Звали его Александром Ивановичем Лялькиным. Имя это, в целом вполне обыкновенное, казалось стихослагателю недостаточно громким и благозвучным, чтобы подписывать им публикуемые в районной газете и любовно собираемые в специально отведенную для этого папку вирши; для Верхних Болотников, конечно, сошло бы и оно, но Александр Иванович метил гораздо выше и не без оснований сомневался в том, что какая-нибудь звезда отечественной эстрады согласится исполнять песни на стихи какого-то там Саши Лялькина. В том, что рассылаемые через интернет многочисленные предложения поэта Ярослава Морева пока что оставались без ответа, виновато было, разумеется, не качество стихов, а несовершенство мира, в котором все делается по протекции или за большие деньги.

Не имея ни того, ни другого, поэт Морев добывал хлеб насущный путем преподавания русского языка и литературы в средней школе номер два города Верхние Болотники. Внешность он имел невзрачную, доходы смехотворные и к сорока годам окончательно сложился как закоренелый, безнадежный холостяк без каких-либо перспектив на семейную жизнь. Успехом у слабого пола он не пользовался никогда и давно свыкся с таким положением вещей. Правда, в последнее время он стал все чаще ловить себя на том, что заглядывается на своих учениц – не старшеклассниц, перед которыми откровенно робел, а тех, что помладше, лет, эдак, двенадцати – четырнадцати. Их по-детски угловатые формы и трогательные бугорки, что топорщили спереди кофточки, волновали его, притягивая взгляд. Будучи человеком относительно образованным и где-то даже неглупым, Александр Иванович знал, как называется эта внезапно прорезавшаяся склонность, но не особенно напрягался по этому поводу: дальше вороватых взглядов, исподтишка бросаемых на еще не оформившиеся девичьи прелести, дело не шло и не могло пойти, поскольку Лялькин был чересчур робок и стеснителен.

Скопившийся во время подглядывания за школьницами пар, естественно, требовал выхода, и Александр Иванович спускал его, тайком наведываясь в гости к тридцативосьмилетней вдове Аннушке, что жила в однокомнатной квартирке на верхнем этаже старого двухэтажного дома в паре кварталов от центральной площади. Аннушка славилась на весь город своей слабостью к мужскому полу; было понятно, что таким манером она пытается устроить свою личную жизнь, но на учителя Лялькина матримониальные поползновения веселой вдовы не распространялись: уж очень незавидной была партия, которую он мог составить. Это был секс без обязательств; иногда Аннушка брала себе за труд пришить пуговицу к его единственному пиджаку или погладить рубашку, когда даже под пиджаком было видно, какая она мятая; Лялькин, в свой черед, баловал ее дешевыми подарками (денег Аннушка не брала принципиально, дабы окончательно и бесповоротно не прослыть в городе проститут-

кой), и это было все. Как-то раз, на заре их вялотекущего романа, Аннушка попросила его повесить полочку в прихожей; стену после этого пришлось заново штукатурить, Александр Иванович едва не лишился двух пальцев на левой руке, и больше о помощи по хозяйству речь у них не заходила.

В последнее время поэт Морев все реже баловал Аннушку своими визитами, и на то существовала вполне серьезная, уважительная причина: Александр Иванович нашел себе еще один клапан для стравливания пара. Речь шла вовсе не о другой женщине или, упаси бог, мужчине – о, нет! Просто с некоторых пор Лялькин присоединился к семимиллионной армии зарегистрированных пользователей компьютерной игры «Танки» – попробовал из любопытства и уже не смог остановиться. Игроманом он себя, конечно, не считал, да, пожалуй, им и не был, однако денег на свою «пантеру» за год потратил больше, чем на Аннушку за все время знакомства. О какой именно сумме идет речь, он и сам не знал, потому что сестра и подсчитать реальные расходы на апгрейд виртуального танка просто-напросто боялся. Ясно было, однако, что потрачено немало: с весны предложения продать «пантеру» поступали регулярно, и в последнем речь шла аж о двух с половиной тысячах долларов. Такой суммы учитель Лялькин не держал в руках никогда, и порой его брало отчаяние при мысли, что он, взрослый человек, ухитрился незаметно для себя ухлопать такие деньжищи на усовершенствование существующей только на компьютерном мониторе машины. Тем не менее, о продаже танка он даже не помышлял; это было его детище – лучший, по мнению многих экспертов, танк Второй мировой войны, стараниями провинциального учителя русского языка доведенный почти до совершенства и стяжавший на полях виртуальных сражений славу, о которой его владелец мог только мечтать.

На днях по телевизору в выпуске криминальных новостей передали пришедшее из союзной Белоруссии сообщение о первом в истории угоне виртуального танка. Какие-то поднатопевшие в искусстве барабанить по клавишам ухари взломали пароль, украли чужую машину и успели, прямо как угнанную из чьего-то двора легковушку, распродать ее по запчастям раньше, чем их накрыли. Судя по тону ведущего, на телевидении этот случай рассматривали как курьезный, но Александру Ивановичу он таковым вовсе не казался. Его мнение наверняка разделяли семь миллионов игроков в «Танки»; Аннушка, увы, в их число не входила, и законное беспокойство Лялькина о судьбе его непобедимой «пантеры» не вызывало у нее ничего, кроме раздражения.

Сегодня дело у них дошло до настоящей ссоры. Заметив, что Александр Иванович нынче рассеян сверх обычной меры и при этом явно не может усидеть на месте, Аннушка язвительно осведомилась, о чем это он все время так напряженно думает – уж не о своей ли любимой игрушке? Лялькин ответил утвердительно; острая на язык вдовушка, не стесняясь в выражениях, высказалась в том смысле, что взрослому дядечке не пристало возиться в песочнице, пусть себе и виртуальной, и переживать из-за такой не стоящей выеденного яйца чепухи, как танк – мало того, что игрушечный, так еще и никогда не существовавший в действительности, нематериальный и потому ни черта не стоящий. Язвить она умела виртуозно, и задетый за живое поэт Ярослав Морев, не успев поймать себя за язык, с горделивым и пренебрежительным видом развеял ее заблуждение, сообщив, что за эту не стоящую выеденного яйца чепуху ему буквально на днях предлагали две с половиной тысячи зеленых американских рублей.

Разумеется, об этом лучше было промолчать. Практичная Аннушка мгновенно сообразила, что продать за большие деньги нечто, во что не вложены все те же деньги, невозможно, произвела в уме приблизительный подсчет затрат и сравнила их с тем, что было потрачено на нее. Сравнение получилось не в ее пользу и повлекло за собой организационные выводы: Лялькину швырнули в физиономию его последний подарок, дешевые пластмассовые бусы, и выставили за дверь, посоветовав в дальнейшем удовлетворять свои интимные потребно-

сти путем совокупления с «пантерами», «тиграми» и прочими обитателями компьютерного зоопарка.

Вот таким манером поэт Ярослав Морев, он же учитель русского языка и литературы Александр Лялькин, во втором часу ночи очутился на улице спящего районного центра Верхние Болотники. Вокруг стояла глубокая ночная тишина, нарушаемая только стуком его каблуков по испещренному трещинами и рытвинами асфальту мостовой да отдаленным лаем собаки, которой отчего-то не спалось в этот глухой послеполночный час. Фонари опять не горели, но зависшая над городом почти полная луна давала достаточно света, чтобы не переломать себе ноги, сослепу шагнув в открытый канализационный люк. Асфальт и пыльная трава заросших сорняками газонов еще дышали остатками дневного тепла, но в чистом ночном воздухе уже явственно чувствовалось дыхание приближающихся холодов. Пробивающийся сквозь нависшие над тротуаром кроны берез лунный свет разрисовал корявый асфальт причудливым серебристо-черным узором. Узор этот был по-настоящему красив, но слишком удачно маскировал неровности, и, пару раз споткнувшись, Лялькин сошел с тротуара на пустую проезжую часть.

Здесь было намного светлее, а если поднять голову, можно было насладиться зрелищем усыпанного мириадами ярких, каких ни за что не увидишь жителям больших городов, загадочно мерцающих звезд. Споткнувшись в третий раз, Александр Иванович чертыхнулся и стал смотреть под ноги.

Буря отрицательных эмоций, поднятая истеричной руганью осатаневшей Аннушки, быстро улеглась. Лялькин не особенно дорожил этой связью, да и восстановить ее при желании ничего не стоило: Аннушка была отходчива и, что называется, слаба на передок. Прямо сейчас возвращаться к ней, конечно же, было неразумно, да и не очень-то хотелось. Без малого два часа назад началось воскресенье; впереди ждал абсолютно свободный день, и Александр Иванович знал, как проведет остаток ночи.

После романтической прогулки под луной и звездами уважающему себя поэту полагалось бы вооружиться пером и до зари строчить стихи. Но с калитки его дома еще не до конца стерлись следы сделанной мелом надписи, нанесенная неизвестным завистником обида все еще язвила ранимую душу поэта, а модернизированная по последнему слову истребительной техники «пантера» с полным боекомплектом скучала в виртуальном боксе, грезя о грохоте взрывов, лязге гусениц и заволакивающем горизонты черном дыме ожесточенных танковых боев. Неизвестно, как для кого, а для Александра Ивановича выбор был очевиден, и все его помыслы в два счета переключились с глупой крикливой вдовы на тактику предстоящей схватки.

С этого мгновения Лялькин двигался, что называется, на автопилоте, как вдребезги пьяный. Он не шатался, выписывая по мостовой замысловатые вензеля, но почти не воспринимал окружающую действительность, с головой погрузившись в свои милитаристские бронетанковые фантазии. Виртуальный мир – призрачный мир грез, созданный чьим-то трудом и воображением; поэт Морев, таким образом, не просто грезил наяву, а грезил о грезах, как озабоченный поисками очередной дозы наркоман грезит о героиновом кайфе. Ноги сами несли его знакомой дорогой мимо палисадников с качелями и двухэтажных домишек, построенных в начале пятидесятых годов прошлого века руками немецких военнопленных, в направлении центральной площади. В центре площади был разбит засаженный чихлыми липами небольшой сквер. По одну его сторону стояла на постаменте геройская «тридцатьчетверка» (выкрашенная, по бедности, в неуместно жизнерадостный ярко-зеленый, почти бирюзовый цвет), а по другую виднелось приземистое, с фальшивыми колоннами по всему фасаду, изрядно обветшалое строение, служившее вместилищем обеих ветвей городской и районной власти.

Ничего этого Александр Иванович сейчас не видел: перед его глазами, как на экране, одна за другой разворачивались картины жестоких танковых боев. В мутное от зноя полуденное небо неподвижными черными султанами поднимались дымы от подоженных точными попаданиями машин, в клубах поднятой гусеницами пыли сверкали вспышки выстрелов, вздыбливались косматые кусты разрывов, ревели мощные моторы, с лязгом барабанили по броне осколки, и с глухим похоронным звоном падали на стальной пол боевой машины дымящиеся снарядные гильзы.

За всем этим воображаемым шумом Лялькин далеко не сразу расслышал и еще позже осознал, что доносящиеся откуда-то звуки раздаются наяву, а не внутри его головы. Остановившись на углу, там, где улица, как река в квадратное озеро, впадала в площадь, он прислушался и удивленно задрал над оправой очков жидкие рыжеватые брови: в самом деле, откуда-то слышались до боли знакомые звуки – рев мотора, стальной рокот зубчатых передач, а также лязг и скрежет коверкающих асфальт гусеничных траков.

– Совсем с ума посходили, – вслух посетовал Александр Иванович, на ум которому первым делом пришел пьяный бульдозерист, решивший посреди ночи стогнать за добавочной дозой самогона и не придумавший ничего умнее, как использовать в качестве транспортного средства вверенный ему тяжелый гусеничный механизм.

Звуки приближались. Они доносились из темного устья боковой улицы, застроенной, как и большинство улиц в Верхних Болотниках, деревянными частными домишками. Лялькин шагнул вперед, вытягивая шею, чтобы поскорее рассмотреть недоумка, в этот поздний час отправившегося на поиски крупных неприятностей, и тут же попятился, холодея при виде того, что с обманчивой неторопливостью выползло на площадь.

По всему выходило, что Александр Иванович сильно поторопился с поставленным только что диагнозом: похоже, с ума сошел не какой-то незнакомый ему бульдозерист, а он сам. Потому что на площадь, поблескивая в лунном свете отполированными клыкастыми звеньями траков и стеля за собой сизый дым выхлопа, выезжал выходец из яркого, но нереального мира бронетанковых грез поэта Ярослава Морева – пятнистый бронированный призрак, появление которого здесь и сейчас было абсолютно невозможным.

* * *

Стояла глубокая ночь, когда судно, оставив по правому борту маяк на мысе Эль-Хадд, вошло в акваторию Аравийского моря и взяло курс на Аденский залив. Оно называлось «Стелла ди Маре» – «Морская Звезда», – но с виду мало соответствовало своему названию. Если построенный в середине прошлого столетия и многое повидавший на своем долгом веку сухогруз и напоминал морскую звезду, так разве что дохлую, выброшенную на берег свирепым зимним штормом и основательно измочаленную прибоем. Непроглядная тьма тропической ночи милосердно скрывала многочисленные вмятины и потеки ржавчины, испещрившие борта, но вид ярко освещенной прожекторами палубной надстройки наводил на грустные мысли о корабельном кладбище, где эту посудину уже давно заждались.

На море царил полный штиль. Внизу плескалась и журчала рассекаемая ржавым форштевнем вода, в вышине сияли неправдоподобно крупные, мохнатые звезды тропиков. Луна закатилась за горизонт, и вахтенный, следивший за экраном радара, получил приказ удвоить бдительность: несмотря на любые договоренности, в здешних опасных водах следовало держать ухо востро. Пираты – народ неуправляемый и трудно предсказуемый, и чье-то слово, для одних являющееся законом, для других – пустой звук, которого они, вполне возможно, просто не слышали, а если слышали, то пропустили мимо ушей. Впрочем, шустрых ребят на быстроходных моторных лодках, вздумай они захватить «Морскую Звезду», здесь поджидал сюрприз весьма неприятного свойства: помимо немногочисленного экипажа, на борту

сухогруза путешествовала дюжина крепких, прекрасно обученных, прошедших тщательный отбор и недурно вооруженных бойцов. Против патрулирующего беспокойную акваторию Аденского залива крейсера или даже пограничного катера дюжина стрелков с их автоматами, винтовками и пулеметами – ничто, но чернокожим ухарям на резиновых моторках такой орешек не по зубам, и по этому поводу грузоотправитель, равно как и грузополучатель, мог не беспокоиться.

Портом приписки «Стеллы» являлся итальянский Бриндизи, но даже сам черт сломал бы обе ноги, пытаясь через хитросплетения юридических уловок, подставных фирм и липовых таможенных деклараций добраться до настоящих владельцев судна, не говоря уже о происхождении груза, который оно несло на борту в данный момент. Если верить документам, хранившимся в сейфе у капитана, корабль был зафрахтован в Судане южнокорейской транспортной компанией; экипаж, состоявший из русских и украинцев, при желании можно было назвать интернациональным, как и охрану, также изъяснявшуюся на языке Тургенева и Пушкина. Правда, в присутствии моряков эти господа с каменными мышцами и почти полным отсутствием мимики открывали рты крайне редко, но, даже оказись они все до единого глухонемыми, любой русский с первого взгляда признал бы в них соотечественников – не по каким-то особенным отличительным признакам, а просто потому, что рыбак рыбака видит издалека.

Кроме охраны и команды, на судне плыл пассажир. Несмотря на официальный статус празднующего балласта, этот человек пользовался на «Стелле» немалым авторитетом, и даже охранники, откровенно помыкавшие членами судовой команды, со всех ног бросались выполнять его распоряжения раньше, чем он успевал договорить до конца. Любому, кто его видел, сразу становилось понятно, что музыку здесь заказывает именно он, а тяжелая исцарапанная кобура, что оттягивала пояс его камуфляжных брюк, прозрачно намекала на то, что авторитет данной персоны зиждется не на одних только деньгах. Звали его Ираклием Пагавой; он был чистокровным грузином и москвичом в третьем поколении, хотя и о том, и о другом вспоминал лишь тогда, когда это было ему выгодно или просто удобно. Ираклию Шалвовичу было сорок восемь лет, и двадцать из них он посвятил бизнесу, который по праву считается одним из самых, если не самым прибыльным видом человеческой деятельности.

Здесь, на борту бороздящего сапфировые воды теплого моря сухогруза, Ираклий Пагава одевался без затей, в уже упомянутые выше камуфляжные брюки, линялую трикотажную майку, едва не лопавшуюся по швам на его могучем волосатом торсе, высокие армейские башмаки и пятнистое офицерское кепи, из-под козырька которого поблескивали темные стекла солнцезащитных очков. Под кепи скрывалась обширная загорелая лысина, под носом топорщились густые, жесткие, истинно кавказские усы, а всегда гладко выбритые щеки и подбородок, несмотря на густой загар, имели свойственный жгучим брюнетам синеватый оттенок. Зарастал Пагава быстро, бриться ему приходилось не реже двух раз в день, но он не жалел времени на это занятие, и небритым его не видел никто и никогда.

В этот рейс «Стелла ди Маре» отправилась из Владивостока. Плавание проходило при благоприятной погоде и в целом выдалось спокойным, если не считать постоянных проблем с давно выработавшей ресурс судовой машиной да пустякового происшествия, которое случилось, когда судно зашло в Мумбаи для мелкого ремонта. Помощник судового механика, отправленный на берег для приобретения каких-то там топливных трубок, ухитрился ввязаться в драку с местными бездельниками и приземлился на больничной койке со сломанной ключицей. Своего врача на «Стелле», разумеется, не было, а если бы и был, Ираклий Шалвович настоял бы на том, чтобы списать травмированного моториста на берег – просто от греха подальше, чтобы не поддаваться искушению выкинуть болвана за борт с ожерельем из якорной цепи на шее.

Пагава требовал, чтобы судно вышло в море сразу же по окончании ремонта, независимо от того, удастся ли найти замену вышедшему из строя члену экипажа. Но капитан, до сего момента не смеявший перечить ему ни словом, ни взглядом, на этот раз уперся не на шутку, и Ираклий Шалвович, поразмыслив, нехотя признал его правоту: с учетом состояния, в котором пребывала судовая машина, в одиночку стармеху с ней было не справиться. Деньги и угрозы в этой ситуации были одинаково бесполезными: при всем своем желании механик не мог ни обхаживать капризный агрегат двадцать четыре часа в сутки на протяжении всего рейса, ни дотащить «Стеллу» до места назначения на своем горбу.

По счастью, замена списанному на берег мотористу нашлась почти сразу, еще до того, как механик привел в чувство судовую машину. Русский моряк с нужной специальностью околачивался в порту Мумбаи уже третью неделю, дожидаясь какой-никакой работы или хотя бы оказии, с которой мог добраться до дома. Документы у него были в порядке, а один из портовых чиновников после того, как его материально заинтересовали, охотно подтвердил рассказанную морячком немудреную историю: действительно, чуть меньше трех недель назад в порт заходил российский лихтеровоз – сгрузил одно, загрузил другое и ушел, оставив на берегу загулявшего по пьяному делу матроса. Судя по тому, как горячо чиновник рекомендовал внести его в судовую роль «Стеллы», упирая на полное отсутствие других подходящих кандидатур, парень успел до смерти надоесть всему управлению порта своими настойчивыми просьбами пристроить его на какую-нибудь посудину.

По отзывам стармеха, которому новый член команды помог закончить ремонт, парень был хоть и не гений, но и не дурак, а главное, руки у него росли, откуда следует. Звали его Федором Молчановым, и он активно не нравился Ираклию Шалвовичу – не сам по себе, поскольку крестить с ним детей Пагава не собирался, а из-за обстоятельств, при которых очутился на борту «Морской Звезды».

Пагаве не нравилось, что этот Молчанов не прошел даже той поверхностной проверки, которой подверглись остальные члены экипажа, не нравилось, что он подвернулся под руку именно там и тогда, где и когда в нем возникла необходимость. Ираклий Шалвович понимал, что его подозрительность отдает паранойей. В конце концов, если все это было подстроено, кто-то один – либо стармех, либо его оставленный в Мумбаи со сломанной ключицей помощник – должен был состоять с Молчановым в сговоре, чтобы в нужный момент вывести судовой дизель из строя и вынудить капитана бросить якорь именно в этом порту. А если так, то проведенная при наборе команды проверка оказалась несостоятельной, и нет никакой разницы, проходил ее Молчанов или не проходил. А если проведенная Ираклием Пагавой проверка была пустой формальностью, то и ему самому грош цена – впору сворачивать бизнес и отправляться на пенсию, пока его не отправили туда в наручниках или даже вперед ногами.

Пустым местом Ираклий Шалвович себя не считал, а значит, никакого сговора не существовало, и поломка двигателя действительно была случайной. Что же до Молчанова, так вовремя подоспевшего на смену покалеченному мотористу, то не надо забывать: речь идет о моряках – первых в истории человечества людях, заслуживших право именоваться гражданами мира. Независимо от того, какой герб красуется на обложке его паспорта, моряк чувствует себя как дома, в любом порту земного шара, может бороздить моря и океаны под флагом любой страны и быть выброшенным судьбой на берег любого водоема, если только этот водоем соленый. Некоторые моряки десятилетиями не видят дома, переходя с корабля на корабль и мотаясь по всему свету, как перекати-поле. Все их имущество умещается в спортивной сумке или тощем рюкзаке, у каждого своя история, сплошь и рядом темная, наполовину криминальная, и то, что один из них вовремя оказался под рукой, не повод для беспокойства, а обыкновенное везение, в котором нет ничего странного или подозрительного.

Но именно потому, что Ираклий Пагава по праву не считал себя пустым местом, он относился к своим предчувствиям и подозрениям с должным вниманием. Даже самый мирный и законопослушный обыватель вряд ли доживет до преклонных лет, если станет игнорировать собственную интуицию. Очень многие и не доживают: садятся в самолеты, в которые им до смерти не хочется садиться, лезут в горы или просто на крыши, чтобы превозмочь страх высоты, прыгают с «тарзанки», копаются голыми руками в оголенных проводах или занимают деньги у людей, с которыми, как сами чувствуют, лучше не связываться, – словом, идут наперекор своим страхам, игнорируют предчувствия и погибают пачками, как мошкара в пламени лесного пожара.

Ираклий Шалвович Пагава не мог позволить себе такой опасной роскоши, как игнорирование предчувствий, и потому в эту ночь, как и во все предыдущие с момента выхода из Мумбаи, спалось ему из рук вон плохо. В целом все шло нормально, но интуиция упорно нашептывала, что что-то не так – то ли с новым мотористом, то ли со всем этим рейсом. Путешествие близилось к концу, но терзавшее Ираклия Шалвовича беспокойство не ослабевало, а напротив, росло, и, устав вертеться меж скомканных, влажных от пота простыней, Пагава оделся и вышел на палубу.

После застоявшейся духоты тесной каюты неподвижный ночной воздух показался прохладным и свежим. Над головой, частично затмеваемые светом прожекторов, таинственно мерцали крупные южные звезды, блики электрического света вспыхивали и гасли на рассекаемой носом корабля черной воде. За кормой шумела и пенилась, призрачно мерцающая в темноте, кильватерная струя, по пустой палубе прохаживался с автоматом наперевес часовой в желто-коричневом пустынном камуфляже американского морского пехотинца; еще один, вооруженный ручным пулеметом, неподвижным силуэтом маячил на мостике рулевой рубки. Пагава скусил кончик кубинской сигары, сплюнул за борт и прикурил от бензиновой зажигалки. Облачко табачного дыма взлетело и растаяло в темноте за бортом; часовой замедлил размеренную поступь, взглядываясь в появившуюся у фальшборта темную человеческую фигуру, а затем, узнав начальство, зашагал в обратном направлении в сторону носа.

Попыхивая пахучим дымком, Пагава снова и снова анализировал свои ощущения. Чувство надвигающейся угрозы не проходило; оно возникло не вчера и не сегодня, но и не в начале рейса. По пути из Тихого океана в Бенгальский залив, в Полкском проливе, отделяющем Индию от Шри-Ланки, и на траверзе мыса Кумари, что на южной оконечности полуострова Индостан, он чувствовал себя как обычно – не расслабленным и благодушным, о нет, но спокойным и собранным, как хирург во время сложной операции. Да, вот именно, как хирург, не просто сделавший первый надрез, а зашедший уже достаточно далеко, чтобы понимать: теперь жизнь пациента зависит только от него да еще, пожалуй, от Господа Бога.

Беспокойство возникло, когда ему сообщили об очередной поломке двигателя, а с того момента, как на борт «Стеллы ди Маре» поднялся новый моторист, уже не оставляло Ираклия Шалвовича. Оно постоянно нарастало, как будто, двигаясь намеченным курсом, судно с каждым оборотом гребных винтов приближалось к некоему полюсу тревоги. И было непонятно, где он, этот полюс, в пространстве или во времени, что из себя представляет – американский патрульный корабль с чересчур бдительным командиром или день, час и минуту, когда свершится нечто давно кем-то запланированное и крайне нежелательное для Ираклия Пагавы.

Если речь шла о встрече с морским патрулем или пиратами, изменить что бы то ни было Ираклий Шалвович не мог – это зависело не от него, а от случая. А вот если опасность притаилась где-то здесь, на борту, устранить ее он не только мог, но и был обязан. У него уже далеко не впервые возникло искушение просто спуститься в кубрик, отыскать среди спящей матросни моториста Молчанова и свернуть ему, сонному, шею, а потом выбросить тело за

борт на корм акулам. Он привычно сдержался: стармех по-прежнему был без помощника, как без рук, да и Молчанов, вполне возможно, не таил в себе никакой угрозы.

Докурив сигару и выбросив окурочек в море, Пагава спустился в трюм: он давно не проверял груз и ощущал настоятельную потребность совершить это действие – во многом ритуальное, лишённое практического смысла, как всякий ритуал, но такое же необходимое, как намаз для правоверного мусульманина.

Стоя на верхней ступеньке уходящего в темноту крутого металлического трапа, он вдруг почувствовал, как резко, скачком, усилилась с недавней его тревога. Инстинктивно прижавшись лопатками к стальной переборке, нащупывая правой рукой клапан кобуры, он клацнул рубильником. Забранные проволочными решетками лампы тускло озарили огромное, как ангар для дирижабля, помещение, примерно до половины загруженное джутовыми мешками – если верить маркировке, с зерном пшеницы. Мировая общественность в лице Международного Красного Креста, как обычно, оказывала гуманитарную помощь традиционно голодающей Северной Африке; если бы решение по данному вопросу принимал Ираклий Пагава, восемьдесят процентов населения этого проблемного региона давно бы пошло на удобрения, а оставшиеся двадцать научились бы, наконец, не только плодить нищету и выпрашивать подачки, но и работать. Это создало бы для него лично определенные проблемы с клиентурой, но, когда речь заходила о глобальных проблемах, Ираклий Шалвович готов был слегка поступиться собственными интересами – с тем, разумеется, чтобы навстречу стать упущенное в каком-то другом месте и каким-либо иным способом.

Интенсивность чувства притаившейся где-то рядом опасности пошла на убыль, когда Пагава убедился в том, что в трюме, кроме него, никого нет.

– Э, генацвале, – обращаясь к себе, вполголоса протянул он, – ты что, темноты бояться начал? Как маленький, честное слово...

Он спустился вниз и, шагая прямо по тугим джутовым бокам, прошел в дальний угол трюма. В трюме стоял памятный с детства запах пыльной мешковины и сухого зерна, из-за дальней переборки доносился ровный гул судовой машины. Этот звук снова напомнил Ираклию Шалвовичу о новом мотористе, и, прежде чем отвалить в сторону помеченный оливково-зеленой заплатой мешок, он еще раз внимательно огляделся по сторонам.

В трюме по-прежнему никого не было. Сквозь наполняющий стальной корпус ровной вибрацией рокот мощного корабельного дизеля слышалось комариное пение готовящейся перегореть лампочки, потревоженная пыль беззвучно вилась вокруг проволочных защитных сеток, напоминая рой микроскопической мошкеры. Оставив в покое явно ненужный пистолет, Ираклий Шалвович наклонился и, ухватившись половчее, отложил в сторонку пятидесятикилограммовый мешок. В мешках действительно было зерно – продукт, являющийся стратегическим для любой страны, а уж для разбойничьих республик, наподобие Сомали, и подавно.

За первым мешком последовал второй, за вторым третий. Сдвинув четвертый, Пагава увидел на дне образовавшегося углубления дощатый настил. Потянув за железное кольцо, он откинул деревянную крышку люка, нашарил ногой верхнюю ступеньку приставной лесенки и стал спускаться по ней в кромешную темноту. Когда его лицо поравнялось с настилом, Ираклий Шалвович слегка присел, на ощупь отыскал лампочку и повернул ее в патроне.

Под дощатым потолком вспыхнул свет. Лампочка была сильная, на двести ватт, но достигаемого с ее помощью освещения хватало лишь на то, чтобы с грехом пополам различать очертания предметов и не расшибить себе голову о выступающие металлические части. Стоя на лестнице, Пагава осмотрел устроенный в трюме и замаскированный мешками с зерном вместительный тайник – фактически, построенный из толстых тесаных брусьев и прочных досок огромный бокс, в котором двумя плотными рядами стоял настоящий груз «Стеллы ди Маре». Тусклые блики слишком слабого для такого обширного помещения света

неподвижно лежали на окрашенной в защитный цвет броне и длинных хоботах зачехленных орудий. Одетые в рельефную, поделенную на прямоугольники кору динамической защиты приплюснутые купола башен напоминали панцири гигантских черепах, отполированные прикосновениями земли траки гусениц поблескивали в сумраке, как потускневшие зеркала.

Это были обломки рухнувшей империи, щепки грозной стальной дубины, некогда державшей в страхе всю Европу – порядком устаревшее, но по-прежнему смертоносное оружие, в здешнем захолустье все еще способное сделать своего нового хозяина грозой окрестков. Это был мощный козырь в бесконечной партизанской войне за контроль над горсткой разбросанных в горячих песках оазисов или клочком выжженной солнцем саванны, бронированный кулак будущего вторжения, непобедимый до тех пор, пока кто-нибудь – да хоть бы и тот же Ираклий Шалвович Пагава, например, – не подкинет противной стороне пяток оснащенных ракетами класса «воздух – земля» боевых вертолетов. За этим дело не станет; равновесие, таким образом, будет восстановлено, а что до крови, которая прольется, так ведь она же африканская – а эти африканцы как передохнут, так и расплодятся. А не расплодятся, так и не надо, их и так чересчур много... И потом, если не Ираклий Пагава, то кто-нибудь другой займется такого рода грузоперевозками, а если никто ими не займется, если перекроются все лазейки и щели, через которые в Африку непрерывным потоком поступает оружие, эти макаки возьмутся за ножи и дубины и все равно не успокоятся, пока не повышибают друг другу мозги...

Списанные Т-62 стояли двумя идеально ровными, теряющимися в темноте фальшивого трюма рядами. Их было двадцать; ближние были видны во всех деталях, дальние выступали из мрака смутными приземистыми силуэтами, по мере удаления сливавшимися в темный стальной монолит. Точно такие же, а возможно, что и эти самые машины когда-то с лязгом и скрежетом уродовали старинную брусчатку пражских мостовых; теперь им предстояло побегать по раскаленному песочку и пободаться с финиковыми пальмами. Пагава подозревал, что эксплуатироваться машины будут нещадно и надолго их не хватит, но это было ему только на руку: процесс модернизации российской армии набирал обороты, своей очереди пойти на утилизацию дожидались еще двадцать тысяч танков, и проблем с новыми поставками, таким образом, не предвиделось никаких.

Убедившись в том, что ценный груз никуда не делся, Ираклий Шалвович вывернул лампочку, выбрался из тайника, опустил крышку люка и аккуратно уложил на место мешки с пшеницей. На душе стало чуточку спокойнее, и, выключая в трюме свет, он вдруг почувствовал, что готов уснуть прямо на ходу. На часах было без четверти два, причины противиться этому законному, а главное, вполне разумному желанию отсутствовали напрочь, и, передумав курить, Ираклий Пагава заспешил в свою каюту.

Глава 2

На углу, образованном центральной площадью и улицей, из которой, лязгая гусеницами, выползло железное привидение, стояло здание районной библиотеки. Двухэтажный деревянный особнячок затейливой архитектуры, с островерхой, причудливо изломанной крышей и двумя уникальной формы мезонинами некогда принадлежал купцу первой гильдии Голоногову – по воспоминаниям современников, покровителю искусств, меценату, кутиле и большому самодуру. Чудом пережившее две революции, столько же войн и почти три четверти века власти рабочих и крестьян деревянное здание объявили памятником архитектуры еще при Леониде Ильиче; разумеется, ажурная резьба и прочие деревянные финтифлюшки давно сгнили и рассыпались трухой, но сам особняк уцелел, а в последние годы отцы города все чаще – в основном, в ходе предвыборных кампаний – заговаривали о том, чтобы, основываясь на сделанных в конце позапрошлого века фотографиях, вернуть ему первоначальный облик.

Помимо времени, шашеля, войн, пожаров и прочих стихийных бедствий, от ураганов и наводнений до пил и стамесок современных провинциальных реставраторов, старинному особнячку с некоторых пор перманентно грозила еще одна напасть. Напастью этой были водители механических транспортных средств, которые здесь, в Верхних Болотниках, крайне редко садились за руль (а также ложились в постель, приходили на работу, зачинали детей и т. д., и т. п.) в трезвом виде. Первый зафиксированный историей наезд самодвижущегося колесного механизма на угол особняка купца первой гильдии Голоногова был совершен автомобилем председателя местной губЧК Свинцова в октябре одна тысяча девятьсот двадцать первого года, когда поименованный председатель катал по городу свою любовницу, имени которой история, увы, не сохранила. Вторично, уже куда более серьезно, будущий памятник архитектуры пострадал в двадцать третьем, когда во время первомайской демонстрации не вписавшийся в поворот адепт коллективизации въехал в многострадальный угол на первом в уезде тракторе марки «фордзон-путиловец». С тех пор пошло и поехало; в злосчастный угол врезались на полуторках, «эмках», «виллисах», «студебеккерах», ЗиСах, ЗиМах, «победах» и «волгах»; «москвичи» и «жигули» также не проехали стороной, и особнячок с круглыми венецианскими окнами в мезонинах устоял, надо думать, лишь благодаря умению и добросовестности плотников, чьи кости давным-давно истлели на местном кладбище.

Приобретение зданием районной библиотеки статуса охраняемого государством памятника архитектуры мало что изменило: пьяные водители по-прежнему, без проблем преодолев низенький бордюр, с треском и грохотом влетали в едва отремонтированный угол. Другим углам в городе тоже доставалось, но этот был, словно заколдованный или, скажем, намагниченный, поскольку притягивал оснащенное колесами железо так же неумолимо, как магнитный полюс Земли притягивает стрелку компаса. При этом он (угол, разумеется, а не полюс) был отлично виден из окон расположенного наискосок через площадь здания местной администрации. И, потеряв, наконец, терпение, отцы города приняли меры по охране памятника архитектуры: послали на перекресток двух работяг с лопатами, ломом и носилками бетона. С подъехавшего грузовика сбросили пустой баллон из-под сжатого воздуха, работяги выкопали на углу яму, торчком воткнули туда баллон и заполнили свободное пространство между ним и краями ямы бетоном. Поскольку работяги отличались от здешних водителей только тем, что им не надо было садиться за руль, баллон стоял с воинственным креном в сторону проезжей части, как бы говоря: ну, давай, попробуй! Вопреки ожиданиям всего города, желающих попробовать отчего-то не нашлось; аварии на пересечении улицы Пролетарской с площадью прекратились, как по волшебству, и кое-кто почти всерьез утвер-